

Глава X. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПЕРЕВОРОТУ

Обычное представление о событиях 14 июля сводится приблизительно к следующему: Национальное собрание заседало. В конце июня, после двухмесячных переговоров и колебаний, все три сословия наконец объединились. Власть ускользала из рук двора. Тогда придворная партия начала готовить переворот. Были созваны войска и расположены вокруг Версаля; в назначенный День они должны были разогнать Собрание и усмирить Париж.

11 июля, говорится все в том же ходячем изложении событий, Двор решается начать действия: Неккер получает отставку и отправляется в ссылку, 12-го Париж узнает об этом. Устраивается процессия, которая шествует по главным улицам, неся бюст изгнанного министра. В Пале-Рояле Камилл Демулен призывает к оружию. Предместья поднимаются и в 36 часов выковыывают 50 тыс. пик; 14-го народ движется на Бастилию, которая скоро спускает свои висячие мосты и сдается. Революция одержала свою первую победу.

Таков рассказ о 14 июля, который обыкновенно повторяют на официальных празднествах Французской Республики. Но он верен только наполовину. Как сухое изложение фактов он не содержит неточностей; но он не передает того, что следует сказать о роли народа в восстании и об истинных отношениях между обеими силами движения: народом и буржуазией. А между тем в парижском восстании, разрешившемся взятием Бастилии, как и во всей революции, существовало уже два течения различного происхождения: политическое движение буржуазии и движение народное. В некоторые моменты — в великие дни революции — оба эти течения временно сливались и одерживали над старым строем крупные победы. Но буржуазия всегда относилась с недоверием к своему временному союзнику — народу. Так было и в июле 1789 г. Союз был заключен буржуазией поневоле, и на другой же день после 14 июля и даже во время самого движения она уже спешила организовать, чтобы быть в силах обуздать восставший народ.

Со времени дела Ревельона парижский народ, голодавший и видевший, как нужда растет и как его усыпляют пустыми обещаниями, все время готов был подняться. Но, не чувствуя поддержки со стороны буржуазии, даже со стороны тех, кто выдвинулся своими нападениями на королевскую власть, он только грыз свои удила. Но вот придворная партия, сплотившись вокруг королевы и принцев, решает одним ударом покончить с Собранием и усмирить народное брожение в Париже. Они собирают войска, стараются возбудить в них чувство привязанности к королю и королеве и открыто готовят разгон Собрания и военное усмирение Парижа. Тогда Собрание, почувствовав опасность, предоставляет свободу действия тем из его членов и его сторонников в Париже, которые предлагают «обращение к народу», т. е. призыв к народному восстанию. А так как народ в предместьях

того и ждет, то он немедленно откликается на призыв. Он начинает бунтоваться еще раньше отставки Неккера, т. е. уже с 8 июля и даже с 27 июня. Этим пользуется буржуазия. Она толкает народ к открытому восстанию, она предоставляет ему вооружаться, а вместе с тем вооружается и сама, чтобы задержать народные волны и помешать им зайти «слишком далеко». Но народная волна, подымаясь все выше и выше, овладевает, вопреки желаниям буржуазии, Бастилией, эмблемой и опорой королевской власти; и тогда буржуазия, организовавшая тем временем свою собственную милицию, спешит укротить «людей, вооруженных пиками», т. е. народ. Это двойное движение я и постараюсь изложить.

Мы видели, что целью королевского заседания 23 июня было показать Генеральным штатам, что они вовсе не та сила, какой они себя считают, что королевская власть существует по-прежнему, что Генеральные штаты не могут ничего изменить в ее правах и что привилегированные сословия — дворянство и духовенство — сами определяют, какие они расположены сделать уступки в видах более справедливого распределения налогов*. Благодеяния, которые будут оказаны народу, будут оказаны самим королем и будут состоять в следующем: отмена натуральных повинностей (уже в некоторой степени отмененных), права «мертвой руки» и феодального, т. е. крепостного, подданства; ограничение права охоты; замена жребия при вербовке в войска правильным рекрутским набором; уничтожение слова подушные и организация земского самоуправления. Все это должно было, кроме того, оставаться в форме одних обещаний или даже простых заголовков реформ, потому что содержание этих реформ, сущность этих изменений предстояло определить впоследствии, а сделать это, очевидно, было невозможно, не нарушая привилегий двух высших сословий.

*Первоначальный проект Неккера оставлял за Собранием право довести революцию до составления хартии наподобие английской, говорит Луи Блан; но «из предметов прений он поспешил исключить вопрос о форме институции, на основании которой соберутся следующие Генеральные штаты».

Но самым важным пунктом королевской речи, так как он оказался центральным пунктом всей революции, было заявление короля относительно неприкосновенности феодальных прав. Он объявлял абсолютно и навеки ненарушимой собственностью десятину, чинш, ренту и все помещичьи и церковные феодальные права!

Такими обещаниями король, конечно, склонял на свою сторону дворянство и вооружал его против третьего сословия. Но давать такие обещания значило заранее ограничить революцию и сделать ее неспособной произвести какие бы то ни было существенные реформы в государственных финансах и во всем внутреннем строе Франции. Это значило сохранить в целостности старую Францию, весь старый порядок. И мы увидим, что впоследствии, в продолжение всей революции, народ уже не отделял друг от друга королевскую власть и сохранение феодальных прав — старую политическую и старую экономическую форму.

Несомненно, что до известной степени замыслы двора сперва удались. После королевского заседания 23 июня и приказа Собранию разойтись дворянство устроило королю, а особенно королеве, овацию во дворце, а на другой день в общее заседание остальных двух сословий явилось всего 47 дворян. Только несколько дней спустя, когда разнесся слух, что 100 тыс.

парижан идут на Версаль, большинство дворян посреди общего уныния, царившего во дворце по получении этого известия, решили присоединиться к духовенству и третьему сословию; но и это было сделано по приказанию короля, подтвержденному плачущей королевой (на короля дворянство больше не рассчитывало). Впрочем, и тут дворяне почти не скрывали своей надежды на то, что «бунтовщики» Национального собрания скоро будут разогнаны силой.

Между тем все интриги двора, все его секреты и даже слова, произнесенные тем или другим принцем или аристократом, скоро становились известными у революционеров. Тысячами тайных путей, об установлении которых позаботились в свое время передовые люди, все узнавалось в Париже; и слухи, доходившие из Версаля, поддерживали брожение в столице. Бывают такие времена, когда сильные мира не могут больше рассчитывать даже на своих слуг; и такое именно время наступило в Версале. Пока дворянство радовалось ничтожному успеху королевского заседания, несколько революционеров из буржуазии основали в самом Версале клуб под названием Бретонского клуба, скоро ставший объединяющим центром, куда стекались все сведения. Туда приходили даже слуги короля и королевы и рассказывали все, что тайно говорилось при дворе. Основателями этого клуба были несколько бретонских депутатов, между прочим Ле-Шапелье, Глезен и Ланжюинэ; Мирабо, герцог Эгийон, Сиейес, Барнав, Петион, аббат Грегуар и Робеспьер также были его членами. Впоследствии он превратился в Клуб якобинцев.

Со времени открытия Генеральных Штатов в Париже царило большое оживление. Пале-Рояль с его садами и многочисленными кафе превратился в клуб на воздухе, куда стекалось до десяти тысяч человек всевозможных общественных положений поделиться новостями, поговорить о новой брошюре, окунуться в толпу и почерпнуть из нее силу для будущего дела; познакомиться, столкнуться друг с другом. Все слухи, все новости, узванные в Версале Бретонским клубом, тотчас же передавались в Пале-Рояль бурному клубу парижской толпы. Оттуда они распространялись по предместьям, и если по дороге к ним иногда присоединялись легенды, то эти легенды, как это часто бывает с народными легендами, были вернее самой истины, потому что они забежали вперед, вскрывали в легендарной форме тайные побуждения поступков и очень часто инстинктивно судили о людях и вещах вернее, чем судят люди «осторожные и благоразумные». Кто оценил Марию-Антуанету, герцогиню Полиньяк, лукавого короля, бесшабашных принцев лучше, чем неизвестные массы рабочих в предместьях? Кто лучше народа сумел понять, разгадать их?

На другой же день после королевского заседания в великом городе уже чувствовалось дыхание революции. Городская дума послала Национальному собранию выражение своего одобрения, а Пале-Рояль обратился к нему с адресом, составленным в боевом тоне. Для народа, голодного и презираемого, в торжестве Собрания над дворцовой партией блеснул луч надежды, и восстание явилось в глазах народа единственным средством добыть себе хлеб. Голод свирепствовал в Париже все больше и больше; даже плохой, желтой и горелой муки, которую оставляли обыкновенно для бедных, и той все время не хватало; а между тем народ знал, что в Париже и его окрестностях имеется достаточно хлеба, чтобы накормить всех, и бедняки приходили к мысли, что пока народ не восстанет, спекуляторы будут по-прежнему морить его голодом.

Между тем по мере того как население темных закоулков Парижа роптало все громче и громче, парижская буржуазия и представители народа в Версале все больше и больше боялись восстания. «Лучше король и двор, чем восставший народ!» — решали они*. В самый день соединения сословий, 27 июня, после первой победы третьего сословия, Мирабо, до того времени взывавший к народу, резко отделился от него; он старался увлечь за собой и других представителей, предостерегая их против «помощников-бунтовщиков». В Собрании уже намечалась таким образом будущая программа жирондистов. Мирабо хотел, чтобы Собрание содействовало «поддержанию порядка, общественного спокойствия и власти законов и министров». Он шел даже дальше. Он хотел, чтобы Собрание сплотилось вокруг короля, потому что король желает добра, а если иногда и делает зло, то только потому, что его обманывают, что ему дают дурные советы!

*Те, которые произносят теперь речи на празднованиях республиканских годовщин, предпочитают умалчивать об этом щекотливом предмете и рассказывают нам о трогательном согласии, будто бы существовавшем между народом и его представителями. Но еще Луи Блан отлично показал, какой страх обуял буржуазию перед 14 июля, а новые исследования только подтверждают это. Факты, которые я привожу здесь относительно дней от 2 до 12 июля, показывают, что восстание парижского народа шло до 12-го своим собственным путем, независимо от буржуазных депутатов третьего сословия.

И Собрание ему рукоплескало. «Дело в том, — совершенно верно говорит Луи Блан, — что вместо того, чтобы стараться свергнуть престол, буржуазия уже стремилась стать под его защиту. Отвергнутый дворянством, Людовик XVI нашел самых верных и самых заботливых служителей в среде Общин, на мгновение казавшихся такими непреклонными. Он перестал быть королем дворян и становился королем собственников». Этот коренной недостаток революции будет, как мы увидим дальше, тяготеть над нею все время, вплоть до самой реакции.

Между тем нищета в столице росла и росла. Правда, Неккер принял кое-какие меры для предотвращения голода. 7 сентября 1788 г. он приостановил вывоз хлеба из Франции и назначил премии для поощрения ввоза; 70 млн. ливров было истрачено на покупку хлеба за границей. Вместе с тем он придал широкую гласность решению королевского совета от 23 апреля 1789 г., которое предоставляло судьям и полицейским чиновникам право производить осмотр хлебных складов, принадлежавших частным лицам, делать опись находившегося в них зерна и в случае надобности посылать его на рынок. Но исполнение этих мер было поручено старым властям, и в результате получилось то, что хотя правительство и давало премии тем, кто ввозил хлеб в Париж, но ввезенный хлеб тотчас же вывозился тайными путями и потом ввозился вторично, чтобы снова получить премию. В провинции скупщики закупали хлеб специально для этой спекуляции; они скупали даже на корню будущий урожай.

В этом деле вполне проявился истинный характер Национального собрания. В момент присяги в *Jeu de Paume* оно было, несомненно, прекрасно; но по отношению к народу оно всегда прежде всего оставалось буржуазным. 4 июля Собрание, заслушав доклад своего Продовольственного комитета, обсуждало меры, которые следует принять, чтобы обеспечить народу хлеб и работу. Говорили целые часы, предложения сыпались одно за

другим. Петион предложил заем, другие говорили о том, чтобы предоставить провинциальным собраниям принять необходимые меры, но ничего не было решено, ничего не было предпринято; дело ограничилось выражением сожалений о народе. А когда один из членов заговорил о спекуляторах и назвал некоторых из них, все Собрание оказалось против него. Через два дня, 6 июля, Буш заявил, что виновные известны и что через день они будут формально названы. «Общий страх овладел Собранием», — писал Горсас в только что основанном им «*Courrier de Versailles et de Paris*». Но пришел следующий день, и на этот счет не было больше произнесено ни слова. В промежутке между двумя заседаниями дело было замято. Почему? Как показали дальнейшие события, из боязни скандальных разоблачений.

Во всяком случае Собрание настолько боялось народного бунта, что, когда 30 июня в Париже произошли волнения по поводу ареста 11 солдат из французской гвардии, отказавшихся заряжать ружья боевыми патронами, Собрание послало королю адрес, составленный в самых раболепных выражениях и полный уверений в «глубокой привязанности к королевской власти»*.

*«Национальное собрание страдает от беспорядков, волнующих в настоящую минуту Париж... К королю будет послана депутация, чтобы умолять его соблаговолить прибегнуть для восстановления порядка к верному средству милосердия и доброты, столь присущих его сердцу, а также доверия, которое его верный народ всегда будет заслуживать».

Как только король предоставил буржуазии малейшую долю участия в управлении, она уже начала спланировать вокруг него и всей силой своей организованности стала помогать ему против народа. Но — и пусть это послужит предостережением для будущих революции — в жизни личностей, партии, а также и учреждений есть своя логика, которой никто не в силах изменить. Королевский деспотизм не мог поладить с буржуазией, требовавшей себе долю власти. Он логически, фатально должен был с ней вступить в бой и, раз вступивши в борьбу, должен был погибнуть и уступить место представительному правлению, т. е. форме, наиболее подходящей для буржуазии. Точно так же не мог он, не изменяя своей естественной опоре — дворянству, стать на почву народной демократии. Он старался поэтому всеми силами защищать дворянство и его привилегии, причем эти привилегированные дворяне при первом же испытании изменили ему.

Между тем сведения о тайных придворных интригах притекали со всех сторон, как к сторонникам герцога Орлеанского, собиравшимся в Монруже, так и к революционерам, посещавшим Бретонский клуб. В Версале и по дороге из Версаля в Париж стягивались войска. В самом Париже они заняли один из самых важных пунктов на дороге к Версалию. Говорили, что на пространстве между Версалем и Парижем размещено уже 35 тыс. человек и что на днях к ним присоединятся еще 20 тыс. Принцы и королева сговаривались между собой, чтобы распустить Собрание, раздавить в случае восстания Париж, арестовать и убить не только главных зачинщиков и герцога Орлеанского, но также и таких членов Собрания, как Мирабо, Мунье, Лалли-Толандаля, стремившихся превратить Людовика XVI в конституционного монарха. Двенадцать депутатов должны были быть принесены в жертву, рассказывал впоследствии Лафайет. Для осуществления этого плана были вызваны барон де Бретейль и маршал де Брольи, и оба были готовы действовать. «Если нужно сжечь Париж, — говорил де Бретейль, — сожжем Париж!». А маршал де Брольи писал принцу

Конде, что «довольно будет одного пушечного залпа, чтобы разогнать всех этих спорщиков и снова поставить самодержавную власть на место нарождающегося республиканского духа»*.

*Blanc L. Histoire de la Revolution Francaise.

И не нужно думать, чтобы это были, как уверяют некоторые реакционные историки, одни слухи. Найденное впоследствии письмо герцогини Полиньяк к городскому голове Флесселю, письмо, посланное ею 12 июля, в котором все видные деятели обозначены условными именами, ясно доказывает существование заговора, подготовлявшегося двором на 16 июля.

Если бы на этот счет могло оставаться хотя малейшее сомнение, то достаточно напомнить слова, сказанные 10 июля в Канне герцогиней де Беврон генералу Дюмуре в присутствии больше чем 60 торжествующих дворян:

«Знаете новости, Дюмуре? Ваш приятель Неккер прогнан; король снова восходит на престол; Собрание низвергнуто; ваши друзья — все 47 — теперь, может быть, уже в Бастилии вместе с Мирабо, Тарже и еще сотней таких же нахалов из третьего сословия; а маршал де Броли теперь, наверное, в Париже, с тридцатитысячным войском»*. Но герцогиня ошибалась: Неккер был прогнан только 11-го, а Броли не успел войти в Париж. Париж опередил двор.

*[Dumouriez Ch. F.] La vie et les naemoires du general Dumouriez, v. 1—4. Paris. 1822—1823, v. 2, p. 35.

Что же делало в это время Национальное собрание? То, что всегда делали и всегда неизбежно будут делать все собрания. Оно не принимало никаких решительных мер.

В тот самый день, когда парижский народ начал уже восставать, т. е. 8 июля, Собрание поручило не кому иному, как своему трибуну Мирабо, изложить почтительнейшую просьбу к королю, в которой Собрание ходатайствовало перед Людовиком XVI о том, чтобы он убрал своих солдат. Просьба была написана в самых льстивых выражениях. В ней говорилось о том, как народ любит своего короля, как он благословляет небо за тот дар, который ему ниспослан в любви короля! И такие же слова, такую же мысль мы еще не раз встретим во время революции в обращениях народных представителей к королю.

Чтобы понять революцию, нужно не упускать из вида эти постоянные усилия имущих классов привлечь к себе королевскую власть и сделать себе из нее щит для охраны против народа. В этой просьбе, поданной Национальным собранием за несколько дней до 14 июля, уже находятся в зародыше драмы, разыгравшиеся впоследствии, в 1793 г., в Конвенте.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:25:19

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:25:47